

И. Е. Забелин

Вестник Европы

**Большой боярин в своём
вотчинном хозяйстве (XVII век)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-12

- 3-12 **Забелин И.Е.**
Вестник Европы: Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве (XVII век) /
И. Е. Забелин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 98 с.

ISBN 978-5-458-32060-3

Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Шестой год. Том 1. Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве (XVII век)... Быт, труд, семья, мелочи домашней жизни - именно здесь максимально полно отражается личность и народ, а не в формах государственного устройства. Такую постановку вопроса Забелин называл археологической. Интерес к мелочам и подробностям бытовых отношений в прошлом сочетался у него со стремлением к синтезу духовной личности народа в историческом развитии. Забелин хотел написать цикл научных книг, где последовательно изучены типы государя, земца, гостя, казака, церковника, подьячего, холопа в историко-конкретной жизненной обстановке... Его классические труды: «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» (М., 1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» (М., 1869), а также статья «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» (1871) - начало этого замысла

ISBN 978-5-458-32060-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

старшаго брата Бориса, равнялись все-таки должностямъ камердинерскимъ и состояли въ томъ, чтобы передавать куда слѣдуетъ царскіе домашніе комнатные приказы, ходить на посылахъ, приносить тѣ или другія вещи по желанію государя, вообще исполнять все то, чего требовала исключительно комнатная служба и комнатное кабинетное прислужничество. Служба дѣйствительно суетливая, но не слишкомъ тяжелая, вовсе незнавшая лишеній и невзгодъ далекаго похода и боевого поля, а потому и не пользовавшаяся особымъ почетомъ и славой. Но за то въ концѣ концовъ эта служба всегда такъ прикрѣпляла людей къ особѣ государя, связывала ихъ съ самодержцемъ такими привычными, почти дружественными отношеніями, что эти люди по естественнымъ причинамъ становились въ послѣдствіи хозяевами во дворцѣ и стало быть во всемъ государствѣ, ибо дворецъ и государство были тогда понятіями однозначущими. Съ возрастомъ государя, возрастали и его домашніе слуги, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало и ихъ вліяніе уже не на домашнія, но и на государственныя, общеземскія дѣла. Самостоятельность государевой власти, выходящей съ его возрастомъ изъ-подъ опеки боярской думы, тотчасъ же передавалась сама собою и личнымъ комнатнымъ слугамъ самодержца, которымъ естественно онъ могъ больше довѣрять и больше на нихъ надѣяться. Боевое поле, походная и вообще далекая служба, хотя бы и самая почетнѣйшая, напр., на мѣстницкомъ въ какой-либо далекой Казани или Астрахани, отдавала человѣка отъ очей государя и тѣмъ всегда лишала его непосредственнаго прямого вліянія на дѣла. Приближенные, комнатные бояре и особенно временщики это очень хорошо понимали и опасному человѣку, въ виду своихъ цѣлей, всегда уготовляли такое почетнѣйшее далекое замосковное поприще.

Само собою разумѣется, что перенести свое вліяніе изъ государевой комнаты на государственныя дѣла могли только люди способные, знающіе и даровитые, а такими не всегда являлись комнатные слуги государя. Многие изъ нихъ такъ и оставались только на этой первой ступени своей службы, т.-е. только комнатными людьми, получая въ послѣдствіи, и то только по своей родовитости, санъ ближняго боярина. Зато способный и проницательный человѣкъ, умѣющій добыть себѣ положеніе, создавалъ себѣ въ государевой комнатѣ самую твердую почву для дальнѣйшихъ дѣйствій и успѣховъ своей службы. Такимъ и былъ бояринъ Морозовъ. Видно, что съ братомъ своимъ Глѣбомъ онъ съ самаго начала отличался добрымъ, благочестивымъ нравомъ и, кромѣ того, отъ брата отличался крѣпшимъ разумомъ и стремленіемъ увеличивать запасъ своихъ познаній не одною только

церковностью, но и всякими новыми свѣдѣніями и опытами, какіе только можно было повстрѣчать въ кругу знающихъ людей. Онъ не отказывался отъ дружбы съ нѣмцами и съ другими иноземцами, стараясь всегда извлечь изъ этого знакомства наиболѣе практическія прикладныя, наиболѣе выгодныя пользы. На такія именно пользы направлена была и крѣпость его ума, не отличавшагося способностями въ прямомъ смыслѣ государственными, а стремившагося только повсюду, и въ государствѣ, какъ и у себя дома, соблюсти выгоды и порядки хозяйственныя, тѣ именно порядки, посредствомъ которыхъ наживаютъ больше денегъ, открываютъ новые источники доходовъ, не всегда думая о послѣдствіяхъ. Его вотчинныя, какъ увидимъ, очень разумныя порядки вполне могутъ объяснить систему его дѣлъ государственныхъ: разныя новыя пошлины и налоги, новыя тягости для народа, доставляли государству, хотя и видныя, но весьма сомнительныя пользы, а потому сдѣлали имя Морозова ненавистнымъ для всей земли и возбудили цѣлый рядъ народныхъ возстаній.

Когда оба брата Морозовы были взяты во дворецъ на житье, что случилось, кажется, въ 1615-мъ г., ихъ вотчинное хозяйство, вѣроятно, находилось не въ особенно достаточномъ состояніи. На это указываютъ между прочимъ царскіе имѣ подарки, свидѣтельствующіе, что они и самую одежду получали отъ щедротъ государя. Такъ, 28-го окт. 1615-го г., Борису Ивановичу государь пожаловалъ 4 аршина сукна лундому сѣрого горячей цвѣтъ, цѣною все портище въ 6 р.; 25-го марта 10 арш. камни червчатой (12 р. 50 к.); 9-го іюля подарилъ ему уздечку для коня, цѣною въ 1 р. 80 к. Въ 1616-мъ г. окт. 31-го, государь съ матерью инокою Мареею Ивановною ходилъ въ свою казну, т.-е. въ кладовыя казеннаго двора; ихъ сопровождали и братья Морозовы, которымъ тутъ же и было пожаловано по 10 арш. камни червчатой, цѣною каждое портище въ 10 р. Затѣмъ, 6-го іюня Борисъ Морозовъ получилъ опять 10 арш. атласу червчатого (16 р.). Въ 1617-мъ г. марта 14-го, государь благословилъ его значительнымъ количествомъ иконъ, вѣроятно, устраивая его домомъ, ибо вскорѣ, 6-го іюля, Морозовъ женился, причемъ по обычаю, пріѣхавъ на другой день свадьбы во дворецъ, также былъ богато одаренъ и съ молодою женою и отъ государя и отъ государевой матери. Къ сожалѣнію, имени молодой не упомянуто и неизвѣстно изъ какого она была рода. Но это умолчаніе ея имени должно показывать, что родъ ея не былъ знатенъ, хотя, можетъ быть, и былъ богатъ. Вѣроятно, за женою Морозовъ взялъ что-либо въ приданое и изъ вотчинъ, а потомъ въ этому времени и самъ государь могъ наградить молодого прибавкою вотчинъ или по-

и́стья за службу. Со стороны царской справедливости это было даже и необходимо, ибо Морозовъ, поступивъ въ комнатную службу и находясь при государѣ безотлучно, разумѣется, не могъ уже хорошо вести свое вотчинное хозяйство, и хорошо слѣдить за своими хозяйскими прибытками. Ясно, что помогать ему въ поправкѣ его состоянія долженъ былъ самъ государь, который на самомъ дѣлѣ все это вполне понималъ. Когда, умирая, онъ призвалъ Морозова, чтобы поручить ему попечительство о наследникѣ престола, его же воспитанникѣ, царѣ Алексѣѣ, онъ въ предсмертномъ словѣ выразилъ вѣрному слугѣ, что вполне цѣнить не только его службу, но и его личные жертвы, принесенныя этой службѣ. «Служи сыну также, молвилъ государь, какъ мнѣ служилъ и работалъ — съ великимъ усердіемъ и радостью, оставя домъ свой и всякіе пожитки и покой». Лѣтописецъ прибавляетъ по этому случаю, что Морозовъ «служилъ ему великому государю и пребывалъ въ царскомъ дому его неотступно, оставя свой домъ и пожитки и волю и повои всякій, и не пожелалъ имѣть жены (вѣроятно уже второй) и чады и сродниковъ, всегдашняго пребыванія (во дворцѣ) токмо возжелалъ». Впрочемъ Морозовъ окончательно укрѣпился во дворцѣ только со времени избранія его въ дядьки къ царевичу Алексѣю въ 1634-мъ г. ¹⁾ Вѣроятно, въ это время онъ былъ уже вдовъ и ради новой такой высокой службы не пожелалъ вторичной женитьбы. Какъ извѣстно, онъ потомъ женился въ одно время съ своимъ воспитанникомъ и притомъ на родной сестрѣ молодой царицы. Само собою разумѣется, что съ того же времени начинаетъ увеличиваться и его вотчинное богатство. Бывши стольникомъ, Морозовъ числился своими окладами по вѣдомству галицкой четверти, т.-е. по городу Галичу, гдѣ Морозовы были старинными помѣщиками. Въ 1628-мъ г. за нимъ, какъ и за его братомъ числилось по 1,000 четвертей или по 500 десятинамъ помѣстной земли. Денежнаго жалованья онъ получалъ почти наравнѣ съ окольными и поровну съ кравчими, т.-е. больше всѣхъ товарищей стольниковъ и даже больше брата, онъ—230 р., а братъ 200 р. При назначеніи въ дядьки къ царевичу и возведеніемъ въ санъ боярина денежный окладъ былъ увеличенъ до 500 р., вѣроятно, съ соразмѣрнымъ увеличеніемъ и помѣстной или же вотчинной земли ²⁾.

¹⁾ Точно также и братъ его Глѣбъ впоследствии тоже былъ опредѣленъ дядько-воспитателемъ къ царевичу Ивану Мих., въ 1638 г.; но по случаю скорой кончины царевича не могъ укрѣпиться во дворцѣ наравнѣ съ братомъ.

²⁾ Описание Разр. архива, М. 1842. стр. 6, 9.

Старинными его вотчинами, которые перешли къ нему по наследству, были подмосковное село Павловское съ деревнями въ Звенигородскомъ уѣздѣ (312 десятинъ) и галицкое село Вознесенское съ деревнями около 600 десат. Когда его воспитанникъ, царевичъ Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ и когда они оба поженились, то Морозовъ получилъ въ вотчину знаменитыя и очень богатыя Приволжскія села, Лысково и Мурашино съ деревнями; въ первомъ по писцовымъ книгамъ 1626-го г. значилось 5,400 десятинъ, во второмъ 11,700 дес., итого 17,100 десат. со множествомъ разныхъ угодій, съ казенными кабаками и таможенными. Между тѣмъ еще прежде этого пожалованья, равно какъ и послѣ, бояринъ много вотчинъ приобреталъ и покупкою, такъ что въ концѣ, въ годъ своей смерти (1662) онъ былъ владѣльцемъ по крайней мѣрѣ 8,000 дворовъ¹⁾, что примѣрно и по умѣренному разсчету можетъ равняться слишкомъ 20-ти тысячамъ крестьянскихъ душъ и 80 тысячамъ десятинъ земли помѣщичьей, крестьянской и лѣсныхъ угодьевъ. Намъ неизвѣстно вотчинное богатство другихъ бояръ—товарищей Морозова, но во всякомъ случаѣ это былъ землевладѣлецъ достаточно крупный. Въ его владѣнны находились села, не упомянутыя о принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ, въ Московскомъ уѣздѣ: Павловское, Иславское, Бедрино, Котельники; въ Тверскомъ — Лотошино, Городня, Едманово; во Владимирскомъ — Филисова Слобода; въ Галицкомъ — Вознесенское; въ Каширскомъ — Косаево; въ Рязанскомъ — Селецкая слобода, села: Киструсь, Борокъ, Красная Слобода, Сасыкино; въ Рязскомъ — Петровское-Кавино; въ Нижегородской сторонѣ: Лысково, Мурашино, Покровское-Ногавицкино, Покровское-Вадъ, Троицкое-Ичалки, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузминъ-Усадъ, Япшень, Знаменское-Котросъ, Покровское-Перегали, Уварово, Богородское-Кочюново и др.; въ Темниковскомъ—Новое Рождествено.

Управленіе всѣми этими вотчинами до послѣднихъ мелочей сосредоточивалось въ рукахъ самого боярина, но главнымъ образомъ, конечно, въ рукахъ его дворовыхъ людей, изъ которыхъ двое, самые приближенные, сидѣли въ московскомъ дворовомъ боярскомъ приказѣ, центральномъ мѣстѣ вотчиннаго управленія, откуда выходили всякіе боярскіе указы и приказы

¹⁾ Въ одной Нижегородской сторонѣ у него было, по его же словамъ, въ 1650-мъ г. больше 4,000 дворовъ. Въ годъ его смерти осенью, 4-го окт. 1662-го г., вдова боярина получила съ Нижегородскихъ, Арзамасскихъ, Рязанскихъ, Галицкихъ и со всѣхъ вотчинъ, кромѣ Московскаго уѣзда, съ крестьянскихъ и боярскихъ съ 7,880 дворовъ по полтинѣ съ двора—3,940 р. Архивъ Оруж. Пал. Книга № 218.

и куда тянули всё дѣла всёхъ вотчинъ. Изъ дворовыхъ же, непремѣнно, въ каждую вотчину назначались приващики или управители. Такъ дѣлалось по старому неизмѣнному обычаю, который шелъ отъ самаго начала нашей исторіи и въ XVII-мъ стол. оставался памятникомъ еще варяжской древности. Князья и ихъ дружина—бодрѣ, получая отъ земли *кормленіе*, въ первое время должны были сами его и собирать, а потому и поручать этотъ сборъ могли только людямъ вполне имъ преданнымъ, на которыхъ можно было надѣяться и потому надѣяться, что, въ случаѣ обмана, можно было ихъ преслѣдовать какъ свою же собственность. Словомъ сказать, сборъ кормленія и всякія подробности управленія землею по этой статьѣ должно было поручать людямъ своимъ, по просту людямъ крѣпостнымъ, холопамъ. Вотъ почему въ древній періодъ нашей исторіи, какъ скоро кто дѣлался тивуномъ (приващикомъ) или ключникомъ (дворецкимъ), тотъ по необходимости становился холопомъ. Надо было дѣлать особый уговоръ, чтобы не попасть въ холопы, принимая на себя эти должности. А такъ какъ кормленіе составляло существо самаго управленія землею, то ясно, что исполнительная власть этого управленія почти вся находилась въ рукахъ холопства, въ рукахъ дворовыхъ княжескихъ ли, боярскихъ ли людей. Изъ холопа выросталъ такъ-называемый *приказный челоука*, т.-е. которому была приказана, поручена какая-либо доля власти и управленія, для того, чтобы собирать кормленіе. Таково начало приказной службы, изъ которой потомъ образовалась служба государева, а затѣмъ государственная. Но измѣняя свой обликъ, переходя съ медленною постепенностью изъ частнаго, личнаго, въ общему, она очень долго сохраняла свое первоначальное существо, т.-е. свой крѣпостной, холопскій характеръ, отчего и прежніе дружинники и всё безъ исключенія государевы слуги или собственно уже слуги государству именовались обыкновенно холопами. Приказная служба во всёхъ своихъ видахъ была по существу своему служба холопская, ибо вотчинникъ, былъ ли то государь или помѣщикъ — все равно, какъ общій типъ управленія землею, управлялъ ею посредствомъ своихъ дворовыхъ, своихъ крѣпостныхъ, которые встарину, по пребыванію во дворѣ вотчинника, именовались *дворянами*. Такимъ образомъ дворня, какъ во всемъ государствѣ, такъ и въ каждой вотчинѣ и повсюду представляла существенную силу всякой управляющей власти, драпируясь только въ широкія имена бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и т. д., а по существу дѣла все тѣхъ же тивуновъ-приващиковъ. Главное, что характеризовало эту правящую и владѣющую силу и чѣмъ отличалась она

отъ земли—народа—это были ея особые нравы, обычаи, навыки, прибрѣтенные ею въ незапамятныя варяжскія времена и стоявшіе на томъ, чтобы побирать съ земца свое кормленіе. Ясно, какіе это были нравы, обычаи и навыки. Кормитель-земець долженъ былъ оплачивать этой силѣ каждое свое движеніе на землѣ, каждый свой шагъ. Сила развивала въ себѣ непомѣрную жадность, взяточничество, своеволие, самовластіе, всячесное коварство, всё пороки холопства и всё его добродѣтели, что для земца было одинаково, ибо холопская добродѣтель есть собственно только наиболѣе усердное угодничество предъ властью, смотрѣвшею лишь за прибыткомъ въ своемъ кормленіи. Никто, конечно, не приносилъ въ крестьянскую среду столько обидъ и притѣсненій, какъ эти *приказные люди* всякаго названія. Народу они очень хорошо были извѣстны съ самыхъ первыхъ временъ. Еще въ имени княжескаго и боярскаго тивуна соединилось для него все ненавистное и страшное въ его жизни, и поэтому при всякой народной расправѣ первыми жертвами всегда являлись тивуны (приказчики) и отроки (слуги). Сами князья хорошо знали навыки своей дворни и, поучая добродѣтели своихъ дѣтей, какъ Владимиръ Мономахъ, крѣпко наказывали не давать, особенно во время походовъ, «отрокамъ пакости дѣлать ни въ селахъ, ни въ житахъ, да не начнутъ васъ (люди) влясти». Но лучше всего объясняетъ отношенія тивуновъ къ народу полоцкій князь Константинъ. Однажды у себя на пиру захотѣлъ онъ смѣхомъ укорить своего тивуна и спросилъ предъ всѣми попа: «владыко! гдѣ быть тивуну на томъ свѣтѣ». Попъ отвѣтилъ: «тамъ же, гдѣ и князю». Князю это не полюбилось. «Какъ же такъ? возразилъ онъ: тивунъ неправдою судить, взятки беретъ, людей продаетъ, мучить, все лихое дѣлаетъ; а я что дѣлаю?» Попъ отвѣчалъ, что «добрый князь, который жалуетъ людей, любитъ правду, выбираетъ и тивуна добраго, разумнаго, правдиваго. Тогда и князь въ рай, и тивунъ въ рай. Князь же недобрый, который крестьянъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не печется, поставляетъ и тивуна, челоуѣка злого, только для того, чтобы богатство добывалъ. Такой князь не бережетъ людей: какъ бы бѣшенаго челоуѣка кто пустилъ на людей, давъ ему мечъ; такъ и князь, давъ челоуѣку волю, губить людей. И князь въ адъ, и тивунъ съ нимъ въ адъ же!»

Такимъ образомъ, по свидѣтельству самихъ же князей, тивунъ-приказчикъ былъ типомъ земскаго насильника и взяточника. Но они мало слушали мудрыя поповскія разсужденія, а еще меньше имъ слѣдовали; ибо трудно было измѣнить установленную правдами систему кормленія, трудно было вынуть, такъ сказать,

душу изъ приказной холопской среды, посредствомъ которой они добывали себѣ это кормленіе. О томъ, что обыкновенно дѣлывала эта среда даже вблизи своихъ господъ, особенно во время походовъ и поѣздовъ, мы имѣемъ многія свидѣтельства. Въ 1480-мъ г., по случаю нашествія ордынскаго царя Ахмата, великая княгиня Софья, ради татарскаго страха, уѣзжала изъ Москвы съ дворомъ на Бѣлоозеро. Зимомъ, когда опасности уже не было, она воротилась въ Москву. Лѣтописецъ отмѣчаетъ ея походъ слѣдующими словами: «Приде великая княгиня Софья изъ бѣговъ, бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никтоже; и по которымъ странамъ ходили, тѣмъ пуши татаръ (было) отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Воздай же имъ Господи по дѣламъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ, по дѣламъ ружь ихъ даждь имъ», восклицаетъ очевидецъ этого похода.

Къ этому надо еще припомнить, что дворня у каждаго вотчинника всегда была очень многочисленна, сравнительно, разумѣется, съ его достатками или съ знатностью сана. Боярскій обычай содержать при себѣ многочисленную дворню, отъ 100 до 1000 человекъ, какъ говоритъ Котошихинъ, относится къ той же глубокой старинѣ и происходитъ изъ условій и потребностей дружиннаго быта. Какъ вольные люди, переходя отъ одного князя къ другому, бояре необходимо должны были имѣть свою крѣпостную дружину (чадь, челадь), т.-е. достаточное число даже вооруженныхъ слугъ, готовыхъ въ случаѣ нужды и къ защитѣ, и къ нападенію. Этотъ крѣпостной разрядъ дружины именовался то же *дворомъ*. Въ древнее время онъ имѣлъ значеніе, по преимуществу дружинное, военное. Въ царскій періодъ, утративъ прежнее значеніе, боярскіе дворы пріобрѣтаютъ значеніе такъ сказать, декоративное и притомъ официальное. Въ XVII-мъ вѣкѣ при встрѣчѣ пословъ выставлялись для церемоніи не только придворные люди государя, но и дворы бояръ и даже вдовъ-боярынь, за которыми оставались мужнины вотчины. Въ началѣ XVIII-го стол. первые государевы столыняки Борисъ и Глѣбъ Морозовы выставляли въ этихъ случаяхъ—первый 25, второй 15 человекъ, дворовыхъ конныхъ въ цвѣтномъ платьѣ. Постольну же или немного больше выставляли и бояре. Впрочемъ, эти числа не были всегда одинаковы, а увеличивались или уменьшались, смотря по важности церемоніала.

Все это, конечно, приводило къ необходимости или вполнѣ поддерживало древній обычай содержать во дворѣ приличное, т.-е. соответственное знатности и богатству число дворовыхъ людей. Не говоримъ о повседневныхъ условіяхъ тогдашняго

быта вообще, а боярскаго въ особенности, когда, напр., простая поѣздка боярина въ деревню требовала весьма значительнаго подъема людей и достаточнаго конвоя, ибо дороги повсюду не были безопасны; грабить выѣзжали даже сами помѣщики и притомъ еще князья. Точно также и въ московскомъ дворѣ жить было безопаснѣе среди крѣпостнаго многолюдства.

Само собою разумѣется, что это дворовое многолюдство вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ сидѣло на хребтѣ того же земца-кормителя, земца-пахара и промышленника. Котошихинъ говоритъ, что кромѣ такъ-называемой мѣсячины и застольной, т.-е. кромѣ корма, а также и одежды, бояре выдавали дворовымъ женатымъ еще денежное жалованье отъ 2 до 10 руб. въ годъ, смотря по человѣку и по службѣ. Но инымъ, особенно холостымъ, жалованья вовсе не давалось; да и кормъ не во всякомъ боярскомъ домѣ бывалъ достаточный, или по скупости, или по бѣдности. Во многихъ дворахъ выдавались только харчевыя деньги, да и то, что называется, въ обрѣзъ, такъ что едва ихъ доставало на прокормъ. Оттого праздный боярскій людъ нерѣдко добывалъ себѣ продовольствіе посредствомъ воровства, грабежей и разбоевъ, чѣмъ всегда славилась старинная Москва, какъ центральное и столичное мѣсто для всякой дворни, жившей при своихъ господахъ-боярахъ. Въ Москвѣ дѣйствительно бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ, какъ мимо двѣнадцати дубовъ Соловья-разбойника, не было обывателямъ ни проѣзду, ни проходу. Таковы, напр., были дворы на Дмитровкѣ окольногочаго Стрѣшнева, кн. Голицына, кн. Татеева, у которыхъ чинилось убійство великое и дурно-всякое. А люди кн. Ромодановскаго завалили однажды въ себѣ во дворъ съ серебрянымъ товаромъ, будто для покупки, старосту серебрянаго ряда, ограбили его и убили. Забрать этотъ дворъ было послано 100 человѣкъ стрѣльцовъ. На розыскѣ грабители повинились въ убійствѣ еще 20-ти человѣкъ и рассказали, что въ этихъ разбояхъ участвовала чуть не вся дворня Ромодановская¹⁾. Это было въ 1675 г. Конечно, разбойное дѣло въ боярскомъ дворѣ не было правиломъ, а было только исключеніемъ, являлось вслѣдствіе или нужды, или крайняго разврата дворни. Въ обычныхъ, повседневныхъ случаяхъ жадная, да большою частью и бѣдная, дворня занималась всякими поборами съ тѣхъ, кому былъ нуженъ доступъ въ боярину. А кому же не нуженъ былъ такой доступъ, если каждый бояринъ, и старшихъ, и младшихъ чиновъ, сидѣлъ въ какомъ-либо приказѣ, или въ какомъ-либо городѣ на воеводствѣ,

¹⁾ Дворк. Разрядн, III, 1118, 1338.

или исполнялъ другіе какіе наказы правительства. Шли въ боярскій дворъ нуждающіеся люди и оплачивали тамъ каждый свой шагъ, платили за каждое боярское слово. Эту сторону боярскаго быта раскрываютъ намъ со всею наивностью расходныя *памяти* или записи земскихъ людей, когда имъ приходилось о чемъ-либо хлопотать у властей или въ приказахъ. Такъ, напр., въ 1617 г. іюня 5, пишетъ Слободской на Вяткѣ земскій староста: «Ходилъ я староста съ цѣловальники въ Хлыновѣ къ *приказнымъ*, къ воеводѣ ко князю Александру Даниловичу Ростовскому, били челомъ о хлѣбѣ, чтобы онъ взялъ съ сохъ за хлѣбъ по цѣнѣ деньгами; дано воеводѣ отъ міру въ челобитье рубль денегъ да вовшииъ рѣпичатой въ два рубля; да княгинѣ его дано гривна, да племяннику его Михаилу гривна; да *дворянамъ* ихъ дано гривна. Да дьяку Ивану Порошину дано отъ міру въ челобитье два рубля двѣ гривны, бояринѣ его десять алтынъ, *дворянамъ* ихъ дано четыре алтына. Подъячему Сидору дано отъ міру въ челобитье рубль, да вовшииъ рѣпичатой данъ рубль десять алтынъ...» Далѣе: «за узду два алтына, что увезли князя Александра Даниловича люди, какъ ѣхали съ Устюга и т. д. Холуницкій волостной цѣловальникъ (1617 г. марта 25) ходилъ въ Хлыновѣ ко князю Александру Даниловичу, для московскія послыжи, несъ ему воеводѣ 5 алтынъ, княгинѣ гривну, дворянамъ его 8 денегъ ¹⁾. Августа 11, ходилъ въ Хлыновѣ во дворы къ воеводѣ и дьяку для того, что не поспѣли наши холуницкіе крестьяна на совѣтъ мірской, далъ имъ отъ того на оба двора 2 гривны, *дворянамъ* ихъ на оба двора 2 алтына. Чистянской волостной цѣловальникъ съ Верховскимъ цѣловальникомъ по мирскому приговору волостныхъ крестьянъ (1615 г. дек. 2) ходили въ Хлыновѣ въ боярскіе дворы о пустошахъ бити челомъ и несли въ челобитье государевымъ воеводамъ князю Федору Звенигородскому, да Василью Жемчужникову, да дьяку Михаилу Ординцову, во дворъ по рублю, да *дворянамъ* ихъ во всѣ три двора роздано 27 алтынъ 2 деньги».

Въ 1615 г. марта 11, хлыновскій земскій посыльщикъ съ казною на Верхотурье, писалъ: «Ходили (на Верхотурье) къ воеводѣ во дворъ челомъ ударити, несли ему гостинца 2 пуда меду да три полти мяса, да три буницы хмѣлю, да два рубля денегъ; да дву сыновьямъ его Володимеру и Борису дали полтину, да бояринѣ дали полтину; да *дворянамъ* его дали 10 алтынъ, да

¹⁾ Чтобы судить о цѣнности такихъ небольшихъ подарковъ, должно припомнить, что въ то время достаточно было одного алтына (8 коп.) на кормъ въ день челобитцу; на эти деньги можно было купить хлѣба, калачей, рыбы, капуста и вина.

приворотнику дали 4 деньги...» Въ томъ же году въ декабрѣ словодской земскій староста писалъ между прочимъ: «Въ боярскій воеводскій приѣздъ кн. Звенигородскаго, за винную баклашку 8 денегъ—свели боярскіе люди; за чарку 2 алтына 4 деньги, что свели боярскіе люди... да свели скатерть боярскіе люди... сами взломали боярскіе люди, какъ ѣздили по волостямъ» и т. д.

Все это были порядки и навыки очень старинные, укоренившіеся въ землѣ еще со временъ варяговъ, со временъ княжескихъ *путей, обзѣдовъ* по землѣ для сбора даней и пошлинъ. Примѣчательно, что крестьяне и воеводѣ называли безразлично съ дьяками и подьячими тоже *приказными*, ибо и на самомъ дѣлѣ это были прикащики-тивуны отъ правительства. Примѣчательно также, что *дворяне* этихъ воеводъ, какъ и другихъ приказныхъ властей, составляли нераздѣльную съ самими властями среду для собиранія взятокъ и всякихъ поборовъ. Они являются тоже какъ бы чиновниками только младшаго разряда. Такъ ставила ихъ подлѣ себя управляющая власть, такъ понимали себя и дворовые, когда вѣзжали въ среду управляемыхъ. Такимъ образомъ, весьма естественно, что и въ частномъ быту, старинное вотчинное управленіе должно было сосредоточиваться въ рукахъ тѣхъ же дворовыхъ, изъ которыхъ каждый вотчинникъ выбиралъ для своихъ вотчинъ управителей - прикащиковъ, по свидѣтельству Котошихина даже съ прямою мыслью, чтобы дать заслуженнымъ холопамъ возможность поживиться отъ крестьянскихъ достатковъ: «Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылають бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и уважутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться». Съ тѣмъ же разсужденіемъ были посланы отъ царя и бояре-воеводы по городамъ на кормленіе. Такъ въ сущности одинаковы были въ допетровской Руси порядки жизни и вверху, и внизу, потому что всѣ эти порядки выросли изъ одного очень древняго корня, изъ права кормленія землею, которое въ то время понималось еще непосредственно и прямо, и распространяло взятчиичество въ неизмѣрной степени, мало или вовсе не помышляя о томъ, что это вещь незаконная.

При посылѣ дворового челоѣка *на приказъ* въ какую-либо вотчину, въ прикащики, ему давалась особая память или собственно наказъ о томъ, какъ вести вотчинное управленіе. Начиналась эта память обозначеніемъ года, мѣсяца и числа: «Лѣта 7157 г. іюня дня»; и словами: «По приказу Бориса Ивановича память челоѣку моему (такому-то). Ѣхать ему въ (такой-то) уѣздъ въ вотчину мою въ село, въ деревню... а приѣхавъ — исполнить